

Юрий Меринов
Избранное

Том
II

~~P. 12~~ 215

11. 19. 228

11. 02. 22

19. 02. 144

9. 03. 87

27. 03. 52

Юрий Меринов
ИЗБРАННОЕ

В 2-х томах

84 (2 Рос = Рус) GK P
M 52

Юрий Меринов
ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Повести

8155815

Библиотечный фонд
Государственной библиотеки
России

Русский Остров
Владивосток
2006

1 2004
ЦБС
г. Владивосток

Кавалери
308 Феодосий
с. м. Феодосий
и м. Феодосий
011 ад. м. Феодосий
Феодосий
29.07.2007

Юрий Меринов

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Повести

Том II

ПОД ЗНАКОМ КОЗЕРОГА

СТЕРВОЧКА

ХОЛОДНЫЙ МЕСЯЦ МАЙ

РАЗБУДИ В СЕБЕ ЖЕНЩИНУ

Меринов Ю.Н.

Женские истории. Повести. – Владивосток: Русский
Остров, 2006. – 248 с.

Новый сборник повестей Юрия Меринова рассказывает о сложной, порой трагичной судьбе женщин в современном обществе, но они находят в себе силы подняться над жизненными проблемами, оставаться прекрасными, сохранять в своем сердце женственность, душевную теплоту, любовь.

Очень сложно, когда о женской доле пишет мужчина. Но у Ю. Меринова получилось.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 5-93577-039-3

© Ю. Меринов, 2006

© Д. Глухих (дизайн - макет), 2006

© Русский Остров, 2006

ПОД ЗНАКОМ КОЗЕРОГА

Повесть

*Счастье не перестаёт быть счастьем,
когда оно кратко, а мысли и любовь
не лишаются своей ценности
из-за того, что преходящи.*

Бертран Рассел

I

Отгремели последние аккорды музыки на экране телевизора с программой «Караоке». Все вместе, кто остался до последнего, исполнили заключительную песню, дождались, пока высветятся баллы их вокального мастерства, и совместно порадовались, что не ударили в грязь лицом. Несмотря на то, что был выпит не один бокал шампанского, песня «Мы с тобой два берега у одной реки» продолжала витать в воздухе. Странно, в таком возрасте, когда жизненный хронометр уже отстучал пятидесятилетнюю отметину, она продолжает думать о том, что движет жизнью, человеческим разумом, позволяет познать главный смысл пребывания человека на земле.

Олеся Валентиновна Локонцева, председатель городской общественной организации «Женская инициатива», с какой-то затаённой грустью взглянула на опустевшие столики, с которых шустрые официантки спешили как можно быстрее, абсолютно не обращая внимания на оставшихся участников встречи, убрать последствия вечера, посвящённого десятилетнему юбилею их совместной деятельности. Смотрела на подруг, с которыми шла все эти годы по трудной стезе общественной работы, и не могла согласиться с высказываниями тех, кто считал, что нормальному человеку постоянно требуется некоторое расслабление, пусть даже с определённой дозой спиртного. Мол, надо на некоторое время отрешиться от всего окружающего и не вспоминать, что завтра наступит очередной, какой-нибудь непредсказуемый, сумасшедший день, из которых складываются недели, месяцы, годы... Вот оденутся последние члены правления, распрощаются. Подпишет

счёт на сумму, что выпито и съедено, и опять останется одна. Рядом нет даже человека, который бы в такую минуту мог просто взять под руку, проводить до остановки маршрутки, которая довезёт до дома... А ещё лучше не спеша пройтись по затихающим вечерним улицам, постоять у подъезда, поговорить о таком, о чём обычно не успеваем сказать друг другу в суете повседневной канители. Пусть даже окажутся слова, не имеющие никакого намёка на близость отношений между мужчиной и женщиной, просто мысли человека, коллеги по совместным делам на общественной ниве. Ей бы все равно было приятно услышать его неординарные высказывания. Ведь женщина всегда остаётся таковой и независимо от возраста, статуса и положения, желает быть слабой. Но что поделаешь, если желаемое зачастую оказывается невыполнимым... Пройдёт каких-нибудь несколько минут, и она получит в гардеробе шубу, припудрит у зеркала лицо, пробежится по губам помадой, возьмёт пакет с теми грамотами и сувенирами, что были вручены на вечере, оставит в багаже десятки слащавых, напыщенных слов, которые принято говорить в подобных случаях, и с сожалением, что никого не оказалось в попутчиках, направится к остановке автобуса, который, если повезёт в столь позднее время, доставит её на самую верхотуру сопки, где продуваемый всеми ветрами и располагается семейный очаг. Как-то печально осознавать, что после праздника наступает пустота, почти вакуум, когда вокруг ничего и никого нет. Неужели в жизни зачастую так и происходит.

Олеся встряхнула головой, отгоняя нахлынувшие тяжелые мысли, и вновь стала прежней, к которой привыкло большинство окружающих. Затем поблагодарила тех, кто помогал накрывать столы, создавая уют дружеской встречи, мельком взглянула в зеркальное отражение витрины, подметив, что покраснелась больше привычного и вышла на улицу. Боже мой, как хорошо и легко дышится. Ещё со второй половины дня успокоился ветер, бесновавшийся последние дни, и теперь своё присутствие тот обозначал едва ощутимыми колебаниями воздуха. Оттого и не чувствуется въедливого запаха выхлопных газов автомобилей, проносящихся по улицам готовящегося ко сну города. Нет и морозца, хотя на календаре последние деньки уходящей зимы. Небо чистое, всё усыпано яркими звёздами. Такое впечатление, будто они в этот час одновременно заступили на ночное дежурство и, несмотря на расстояние в миллионы световых лет, зорко наблюдают за происходящим на земле. Им подвластно если не все, то многое, что не дано человеку. Ведь будь тот хоть семи пядей во лбу, может лицезреть лишь ничтожную толику находящегося в окружении, способную окинуть глазом или почувствовать душой. А звёзды способны обозреть весь земной шар, который лишь маленькая частица в бескрайних простор-

рах вселенной. Что там какая-то планета Земля, когда они имеют возможность охватить всю галактику, подсмотреть, где и что происходит в такой неурочный час. Была бы возможность хоть на минутку, на какое-то мгновение оказаться рядом со звёздами и почувствовать всю необъятность, неподвластную человеческому разуму.

Локонцева любила город, который считала своим, любила по-особому, и ей всегда было неприятно, когда люди начинали брюзжать на те или иные неудобства, что возникают в любом портовом городе, когда жилые дома разбросаны по окрестным сопкам немислимыми анклавами, а неширокие, с выбоинами и колдобинами дороги изви-ваются серпантинном и, словно пулемётные ленты, опоясывают грудь громоздящихся возвышенностей. Да, есть определённые сложности. Зимой, когда по несколько дней пуржит и не всегда ходит общественный транспорт, приходится добираться на работу и обратно пешком, склоняясь чуть ли не до земли, стремясь преодолеть с наименьшими усилиями сопротивление завывающей стихии. Может, ещё и оттого, что многие совершенно отвыкли ходить пешком, каких-то пару остановок норовят обязательно проехать на автобусе или трамвае, толкаясь в переполненном салоне. Была бы её воля, в обязательном порядке ввела бы повинность носить шагомер и ежемесячно снимать показания, как с электрического счётчика, а потом вносить в личную медицинскую карточку каждого. Без этих данных не принимать в поликлиниках больных, ограничивать в путёвках в санатории и дома отдыха, делать особые отметки в больничных листах. А то ведь совсем разучились двигаться. Некоторые уже и в соседний магазин стремятся добраться на личном авто...

Осенью, когда зарядят на несколько дней дожди и по дорогам разливаются целые реки мутной жёлто-грязной воды вперемешку с камнями, приходится прыгать как цапле, пытаюсь перебраться на нужную сторону. Подчас приходится слышать столько нелицеприятного, что диву даёшься, неужели так озлоблен человек.

В сезон туманов становится темно и сумрачно, что днём приходится в домах и рабочих кабинетах включать электрическое освещение. В летний зной изнывающие от нестерпимой духоты горожане клянут чуть ли не тропический климат от близкого соседства с морем: стоит лишь появиться на улице, как начинаешь ощущать обволакивающую тело влажность, становится мгновенно мокрым нижнее бельё и соленый пот заливает всё тело. Не спасают самые разрекламированные современные дезодоранты. Но ведь по большому счёту сами виноваты: не желаем регулировать собственный организм, потребляем жидкости больше меры, словно забывая, что вода не является спасительницей в данной ситуации. Да и одеваемся не по погоде, а в пого-

не за безумной модой. В первую очередь думаем, как будем выглядеть в глазах окружающих, вместо того, чтобы надеть что-либо просторное, натуральное и чувствовать себя комфортно.

Но всё это мелочи, пустяки по сравнению с тем, какое наслаждение испытываешь от общения с прохладной и живительной силой моря. Ни в какой другой местности не почувствуешь всей прелести свежего, пахнувшего горько-терпким йодом воздуха. А какое удовольствие бродить по морскому песку вдоль берега, где набегающие волны нежно ласкают уставшие ноги. С чем можно сравнить купание в морской воде... Забрёдёшь в воду по колени и кажется, что миллионы мельчайших иголочек мгновенно набрасываются на тебя. Постоишь пару минут, наберёшь в легкие побольше воздуха и кинешься в вожделённую прохладу. Сделаешь несколько взмахов руками, отплывёшь чуть подалее от основной массы купающихся и только тогда начинаешь чувствовать, как попадаешь в такое блаженство, из которого не хочется выходить. Все, кто понимает в этом толк, при малейшей возможности стремятся оказаться на побережье и насладиться таким даром природы. Берут отпуска, летят самолётами, едут поездами, добираются на автомашинах, а то и просто автостопом, чтобы поймать короткие мгновения волшебного общения с природой. А приходилось ли когда-нибудь лежать на ворохе из высушенных водорослей, словно в пуховой перине, и, закинув руки за голову, всматриваться в безбрежное голубое небо, где общую идиллию изредка нарушают лишь одинокие величавые чайки. А иной раз можно увидеть бродягу-альбатроса. Наступает состояние, когда все забываешь напрочь и хочется петь, читать стихи, сочинять музыку. Возникает желание вскочить и крикнуть во весь голос, обратить внимание тех, кто не осознаёт своего преимущества перед остальными: *«Люди, оставайтесь самыми разумными существами. Не нравится, вас влечёт другое, так найдите себе такой уголок, где все придется по душе. Ведь в нашей стране еще столько не обжитых или совсем диких мест. Освободите пространство для тех, кто не мыслит себе иной жизни»*. Всё-таки романтика не покинула её, оттого и приходит подобное на ум.

Нет, несмотря на усталость и напряжённый день, она не сможет сейчас сесть в душный автобус, чтобы вновь окунуться в прозу повседневности. И хотя уже поздно и давно следовало находиться дома, пройдёт немного пешком, чтобы подольше остаться наедине со своим городом.

Это ж сколько лет прошло с той первой встречи, когда молоденькой девчонкой с маминой дамской сумочкой, в которой вместе с аттестатом зрелости об окончании средней школы и другими документами хранились последние семейные сбережения, в одной руке и не-

подъемным баулом в другой сошла ранним утром со ступенек ночного пассажирского поезда и, ошеломленная таким скоплением людей и вокзальной суетой, остановилась в нерешительности посреди перрона. И было отчего растеряться... В свои семнадцать с половиной лет она никогда прежде не выезжала дальше районного центра, где заканчивала десятилетку, и большую часть прожитых лет провела в посёлке Лесогорье, что всего в нескольких километрах от сказочно красивого седого Амура. В небольшом, всего дворов на пятьдесят, селении располагался лесопильный завод местного леспромхоза, где разделявали огромные кряжистые деревья на бруски и доски; готовую продукцию отправляли на берег, а оттуда доставляли вниз по течению на баржах до самого Комсомольска-на-Амуре. Может, тогда в сознании и зародилась мысль, что обязательно выучится на инженера и станет строить красивые и светлые дома на радость людям.

Почему выбрала этот город, до сих пор не в состоянии объяснить. Родители настаивали поступать в Благовещенске или Хабаровске, но уперлась и настояла на своём. Но как часто детские мечты не воплощаются в реальную действительность. Сдала документы в политехнический, ночами напролёт готовилась к поступлению, успешно, как казалось, отвечала на вступительных экзаменах, и всего одного-единственного балла не хватило, чтобы стать студенткой. В приёмной комиссии посоветовали не отчаиваться и попытать счастья через год. Проплакав всю ночь, отправилась на поиски работы. Возвращаться домой после такой неудачи — даже в мыслях не было. Добралась до первой доски объявлений, прочитала, кто и где требуется, и устроилась посудницей в столовую при большом судоремонтном заводе, где сразу же предоставили место в общежитии. Лишь после новогодних праздников отважилась и написала родителям полуправду, что, мол, разочаровалась в избранной специальности, оставила учёбу и пошла осваивать рабочую профессию. А через два года, заработав трудовой стаж, поступила в недавно открытый филиал московского Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, намереваясь стать экономистом.

Почти тридцать пять лет минуло с тех пор. Боже мой, как неумолимо летит время. Мы всё суетимся, бегаем, стремимся к чему-то и совершенно не задумываемся, что большая часть жизни, её лучшие годы, позади и крайне мало остаётся, чтобы пожить для себя, познать в полной мере то, ради чего существует человек. Как бы хотелось, чтобы это стремительное движение приостановилось, сделало передышку. Ничего не получается. На следующий год — серебряная свадьба, двадцать пять лет замужем. Старшему сыну уже минуло двадцать три, двадцать один год исполнился младшему. Совсем скоро торжественно вручат

пенсионное удостоверение и не двусмысленно дадут понять, что пора уходить на заслуженный отдых, освободить дорогу молодым.

В окнах домов постепенно гаснут огоньки. Сколько раз пыталась по ним представить проживающих там людей: их характер, нравы, быт. Вот здесь — яркий свет, в зале — на несколько лампочек люстра. Значит, поселились жильцы с открытой душой, радушные и гостеприимные. Загляни к ним в неурочный час, оставят свои дела, тут же накроют стол, пригласят к самовару и поведут заинтересованный разговор, радуясь удачно прожитому дню. А там, на втором этаже, едва пробивается сквозь тёмные шторы тусклый огонёк. Возможно, нагрянула беда, оттого и стараются не зажигать лишнего, чтобы ничто извне не раздражало. В некоторых — вообще темно. Вероятнее всего, уже отдыхают после напряженного трудового дня, чтобы успеть набраться сил, и утром пораньше вновь отправиться на работу. Чьи судьбы за этими тёмными окнами? Водитель автобуса, командир воздушного лайнера, врач «Скорой помощи»... или дворник, убирающий свой участок в то время, когда некоторые еще досматривают последние сны. А что если всё это... сплошные выдумки, плод собственной фантазии. В первых квартирах проживают безалаберные люди, не привыкшие обращать внимание на подобные житейские мелочи. Во вторых — просто экономят, чтобы дотянуть до очередной зарплаты и не залазить в долги. А обитатели третьих прожигают жизнь по ресторанам или другим увеселительным заведениям и заявятся в родные пенаты далеко за полночь. Наверное, невозможно вот так однозначно навешивать ярлыки и однобоко, со своей колокольни, оценивать людей, не зная их близко.

Как-то прошлой осенью, почти в такое же время, пришлось проехать на такси по проспекту Красоты. Изумилась каскаду переливающихся огней на той стороне бухты. Попросила водителя остановиться и простояла, наверное, минут пятнадцать не в состоянии оторвать взгляд от рукотворного чуда. Нет, что ни говори, а электрический свет подобен визитной карточке каждого отдельного человека, семьи, дома, микрорайона, целого города. Так, за размышлениями и не заметила, как добралась до площади Луговой.

Вскоре подошел трамвай. Встала на задней площадке и под перестук колёс задумчиво смотрела в подернутое грязными разводами окно, словно жалко было расставаться со всем оставшимся за железными стенами вагона. Или, может быть, убегающие рельсы вновь напомнили о прожитых годах. У них много общего, но есть и одно, весьма существенное различие — рано или поздно надвигается финиш. И как бы ни старалась его отодвинуть, тот непременно возвращает мыслями о себе, быстро меняющимися датами календаря.

В подъезде не видно ни зги. Осторожно переступая, чтобы ненароком не споткнуться, подошла к лифту, надавила на ошупь кнопку и через некоторое время оказалась на нужном этаже. Открыла ключом железную дверь, включила в прихожей бра и стала раздеваться, стараясь, больше по привычке, не шуметь. Хотя к чему осторожничать, всё равно никому не помешает. Старший сын сразу же после окончания института снимает отдельный угол где-то в другом конце города. Специально не говорит адреса, чтобы меньше контролировали. Почти вся зарплата уходит на оплату жилья, но он считает, что лучше жить впроголодь, чем под постоянным родительским оком. Гордый, самостоятельным желает казаться, но... как прижмёт, так и приходит. Ничего не говорит, ... отъестся, отоспится и опять пропадёт на неделю-другую. Младший, судя по всему, где-то гуляет. Как вечер, садится на папину машину и гоняет с девочками. Зато утром на занятия не добудишься. Каждый день по сто рублей на один бензин уходит, так ещё и на карманные расходы требуется. Не знает, что и делать с ним. Лучше бы занимался как следует. До того довели гулянки, что до зимней сессии за «хвосты» не допустили. Пришлось «наступить себе на горло» обратиться к знакомому врачу. Та выписала справку, что находился на амбулаторном лечении по причине обострения болезни. Иначе бы в два счёта отчислили и забрали служить. Страшного-то ничего нет, но хочется дать образование, пока есть силы и возможности. На днях обязательно сходит в институт, проверит, правду ли говорит, что сдал почти всё, лишь по одному предмету задолженность.

Заглянула в комнату — муж спит. Выключила работающий телевизор, пусть отдыхает. Стоит лишь добраться до подушки, как мгновенно засыпает, и всё происходящее побоку. Сейчас, когда перенёс второй инфаркт, прошёл курс реабилитации, она вообще старается не докучать супругу, все домашние дела взвалила на себя, лишь бы не было рецидива. А он рад-радехонек, что его не трогают. Иной раз целыми днями с диваном в обнимку, ни одной передачи не пропустит. Чуть отпустило, так зачастил в гараж, тайком покуривает, может и стопку принять. А предложишь пойти погулять, как медики рекомендуют, так насупится, словно неразумное дитя, которое несправедливо воспитывают. В последнее время ведёт себя хуже маленького... Нынче опять, видать, с друзьями что-то отмечал, чувствуется запах спиртного и табака. Тут никаких нервов не хватит... На кухне опять всё свалено в раковину: поели и сложили. Теперь уже до утра так останется, горячую воду что-то часто стали отключать на ночь, да и с холодной перебой. Заглянула в ванну, опять ведро пустое, всё выхлопали, а набрать не удосужились. Даже умыться нечем. В поттере едва набралось с поллитровую баночку. Тяжело с мужчинами, хотя и пыталась не один раз

поговорить о личной гигиене. Вроде покивают головами, со всем соглашаются, но в одно ухо влетает, а в другое тут же вылетает. Где-то за стеной начали ударами отсчитывать время часы. Вот и полночь. Прошла в свою комнату, разобрала постель и легла. Да, судя по всему, предстоит бессонная ночь.

II

31 декабря 1969 года... Минуло целых тридцать три года с того дня, но она до сих пор помнит всё в таких мельчайших подробностях, словно произошло это только вчера. Как относиться к той встрече? Считать её роковой, в буквальном понимании этого слова, не поворачивается язык. Но ведь она перевернула всю жизнь, взбудоражила сознание и до сих пор заставляет учащённо биться сердце. И ещё неизвестно, чем это закончится. Невероятно, но так оно и есть. Что-либо изменить в ту или иную сторону выше её сил. Но и оставлять так, когда каждой клеточкой чувствуешь прикосновение его рук, жаркие поцелуи, с нетерпением ждёшь каждого телефонного звонка и готова бежать за ним хоть на край света, не может. Неужели жизнь настолько сложна, что два взрослых, умудрённых опытом прожитых лет человека не в состоянии найти выхода из сложнейшего лабиринта взаимоотношений. Ведь именно тогда всё и началось.

... Через неделю родители наметили праздновать юбилей — жемчужную свадьбу — тридцать лет совместной жизни. Заранее списались с братом, договорились, что обязательно во что бы то ни стало побывают на этом замечательном семейном торжестве. Поэтому и стремилась досрочно сдать зачёты за первый семестр, чтобы успеть вовремя и иметь возможность подольше задержаться в Лесогорье. Думала, успеет пораньше, но не получилось. Преподаватель по экономической географии находился на каком-то симпозиуме в Москве и, возвратившись, назначил собеседование на десять часов утра последнего дня уходящего года. Что поделаешь, если так складывались обстоятельства. Пришлось сдать билет на поезд и купить на самолёт. Если всё будет нормально, как раз успеет к встрече Нового года и преподнесёт сюрприз отцу с матерью. Но отчего-то с самого утра возникло предчувствие, что планам не суждено будет сбыться. Переживала, что последний зачёт может перечеркнуть задуманное, но обошлось.

Немного успокоилась лишь в автобусе, следующем в аэропорт. Занятая своими мыслями, не заметила, что уже на выезде из города в воздухе начали кружиться первые снежинки, а вскоре повалил густой снег. Не может быть, чтобы в такую погоду не летали. Не раз видела в кино, когда при значительно худших метеоусловиях авиалайнеры летали. Ведь должны же войти в положение пассажиров, которые же-

лают во что бы то ни стало вовремя оказаться за праздничным столом среди родных и близких. Едва сошла с автобуса, как послышалось, что передают информацию о нужном рейсе. Ускорила шаг и на ступеньках аэровокзала поскользнулась и чуть не упала во весь рост. Спасла сумка в руке, но предательски хрустнул каблук. Отошла в сторону, глянула, едва держится. От такой неудачи на глаза навернулись слезы. Диктор ещё раз повторила, что вылет рейса на Благовещенск откладывается по погодным условиям до 20.00. Что делать? Как быть? В справочной ответили, что мастерской по ремонту обуви в аэропорту нет, и посоветовали съездить в город. Конечно, время позволяет, но где гарантия, что кто-то в этот предпраздничный день работает. Только время потеряешь и можно вообще лишиться каблука в людской суете. Будь, что будет. До салона самолёта как-нибудь доберётся, а в Благовещенске уже не страшно: обещал встретить братишка.

В двадцать часов объявили, что вновь вылет задерживается на два часа, затем снова... на два часа. За всё время ожидания лишь однажды выходила на улицу подышать свежим воздухом, всё-таки душновато в помещении. Показалось, или действительно так и есть, что снег стал затихать. Появилась надежда, возможно, до конца суток удастся улететь. В здании аэровокзала пассажиров всё прибавлялось и прибавлялось, вскоре и встать станет негде. В центре зала переливалась огоньками пушистая ёлка, украшенная незатейливыми гирляндами. На перилах второго этажа, прямо над кассами по продаже билетов, на большом полотнище красовался нарисованный Дед Мороз. Почему их всегда изображают обязательно с красным носом, словно хронических алкоголиков. Иногда бросала взгляд на произведение местного художника, и казалось, что бездушное существо озорно ей подмигивает. Взять бы да рассмеяться, но ничто не радовало. Стояла в уголке у выхода, прислонившись спиной к разукрашенному морозным узором стеклу, считай на одной ноге, словно вторая была больной. Отрешившись от происходящего вокруг, не сразу сообразила, что обращаются именно к ней.

— Девушка, извините, пожалуйста, за бестактность, но вы бы не могли ответить на один весьма непростой вопрос?

Взглянула. Перед ней стоял парень в курсантской шинели.

«Дальрыбвтуз, пятикурсник, — отметила про себя. — Что ему понадобилось?»

— Задавайте.

— Второй час наблюдаю за вами и не могу сообразить, что это за гимнастика, когда человек стоит на одной ноге. Так легче, или даёте возможность организму расслабиться?

Странно, как можно в подобной толчее что-либо разглядеть. Да и заливаает, что столько времени смотрел в её сторону.

— Вы бы не издевались, а лучше помогли.

— В мыслях подобного не было. Так в чем проблема?

— Каблук отломался, на честном слове держится. Вот и приходится...

— Тяжелый случай, учитывая всеобщее предпраздничное настроение... Вы никуда не торопитесь?

Вот нахал, ещё и подначивает. Сказала бы, да не хочется портить себе настроение.

— Куда в моем положении?

— Тогда побудьте ещё немного в гордом одиночестве. Постараюсь побыстрее... Прошло десять минут, пятнадцать, двадцать пять... Потрепал языком и удалился. Сейчас пудрит мозги кому-нибудь ещё. А собственно, какие могут быть претензии? Обязан он, что ли.

— Прошу прощения, но только в сказках встречаются добрые, отзывчивые волшебники. В реальной жизни всё гораздо проще.

— Ах, это вы...

— Ещё кого-то ждёте?

Смутилась.

— Нет, конечно. Кому я нужна?

— Вот это неправда. Зачем зря на себя наговаривать. Пойдёмте.

— Куда?

— Найдём более-менее спокойный уголок. Попробуем на время укротить ваш непокорный каблук.

Подхватил сумку и двинулся в противоположную сторону. Она едва за ним поспевала, ставя ногу в злополучном сапоге лишь на носок. Миновали милиционера, которому парень кивнул головой и взялся за ручку двери с табличкой: «Служебное помещение. Посторонним вход воспрещён».

— А туда можно?

— Мы ведь не посторонние, законные пассажиры, и билеты на всякий случай имеются. Длинный коридор, по одну сторону — двери в кабинеты. У противоположной стены примостились выдавший виды диван, оббитый дерматином, и несколько стульев, такие же допотопные.

— Присаживайтесь, снимайте свой сапог.

— Прямо здесь?

— Вы можете предложить что-нибудь другое или вам больше импонирует улица с ее снегом и холодом.

Задаёт какие-то странные вопросы, словно в её положении можно выбирать. Пока парень работал, девушка украдкой, чтобы не показаться чересчур любопытной, наблюдала за своим случайным спаси-

телем. На вид — года 22–23, не больше. Все сходится, если поступил сразу после окончания школы. Может, и работал немного, как самой пришлось. Тогда максимум — двадцать пять. Лицо худощавое, резко очерчены скулы и подбородок, нос прямой. Из-под форменной шапки выбиваются каштановые волосы. Только глаза не удалось рассмотреть. Сосредоточен, словно выполняет самое ответственное задание. Работает умело, будто ремонтом обуви постоянно занимается. Да и инструмент откуда-то появился, специально припас, предвидя подобный случай. Смешно подумать, что судьба в подобной ситуации свела с настоящим сапожником. В жизни не поверят, кому расскажи.

— Вот, вроде, и всё. Примерьте, пройдите.

Попробовала, сначала осторожно, потом всё смелее и смелее. Пока держится.

— Всё хорошо, даже танцевать можно.

— Этого в ближайшее время не предвидится. Но ловлю на слове.

При первой же возможности несколько танцев моих.

Почувствовала, краснеет, сделалось жарко. Рассчитывает на длительное знакомство.

— Не знаю, как вас и благодарить. Спасибо, большое спасибо.

— Пожалуйста. У нас ещё будет время поговорить об этом подробнее...

Ого, уже и откровенные намёки пошли.

— ... Что же мы, два студента и не поможем друг другу в трудную минуту.

— С чего вы взяли, что я учусь?

— Давайте познакомимся. Неудобно как-то выкатать, пора переходить на «ты»... Меня зовут Роберт.

— Олеся...

— Наверное, из Белоруссии.

— Почему так решили?

— Олеся... Полесье. Только там дают такие звучные имена. Ещё бы глаза голубые, цвета льна, была бы полная гармония.

— Нет, я из Амурской области.

— Значит, ошибся.

— Отец родом из тех мест. Призвали в армию, отслужил, там и остался, женился, вот и настоял на таком имени... А вам нравятся девушки с голубыми глазами?

— Сказал для сравнения. Карие ничуть не хуже.

Промолчал. Вот уже и на комплименты напросилась.

— В том, что ты учишься, нет никакого секрета. На среднем пальце тёмное пятнышко. Въелось в кожу, сколько ни отмывай. Такое случается, когда авторучка протекает.

— Когда успел всё разглядеть?

— Привычка такая, с детства...

Взглянул на часы.

— У меня есть обалденное предложение, бутылка шампанского и коробка конфет... Через двадцать минут, если ничто не помешает, куранты известят о наступлении Нового года. Три знаменательных события, отчего бы не отметить.

— Какие ещё?

— Наступление 1970-го, наше знакомство, которое, почему-то верю, окажется счастливым... и к тому же первого числа мой законный день рождения.

— А у меня — четырнадцатого.

— Можно отмечать в один день: мой — по старому стилю, твой — по существующему. Я же говорил, что это удача.

— И где же нам примоститься?

— Пойдём на улицу. Снег закончился, ветер не начался, мороз обозначается лишь номинально... Не возражаешь?

— Хорошо.

Никогда не предполагала, как прекрасно встречать Новый год на свежем воздухе, когда над твоей головой засыпанные пушистым снегом кроны деревьев, первые появившиеся из-за туч звёздочки. А чуть в стороне в окне мерцает электрическим светом настоящая ёлка. Закроешь глаза и представляешь, что ты на мгновение оказался в царстве снежной королевы. Роберт отсутствовал минут пять, не более. Притащил откуда-то картонную коробку, накрыл газетой, поставил гранёные стаканы, снял золотистую обёртку с горлышка бутылки, открыл конфеты. По аэровокзалу включили трансляцию. Кто-то от имени Аэрофлота пожелал пассажирам счастливого Нового года. С первыми ударами часов на Спасской башне Кремля в далёкой Москве гулко выстрелило шампанское, заискрился в стаканах напиток.

— С Новым годом, Олеся! С новым счастьем!

— И тебя с наступившим.

В это время из динамика зазвучала песня:

Такого снегопада, такого снегопада

Давно не помнят здешние места,

А снег лежал и падал, а снег лежал и падал...

Смолкли последние аккорды, но они ещё стояли некоторое время, словно замороженные мелодией. Снова разлил шампанское.

— Роберт, а я могу спросить?

— Без всякого стеснения.

— Ты-то как оказался в аэропорту?

— Совершенно случайно.

— А если серьезно?

У нас на факультете нашлись экспериментаторы и решили, что лучше будет, когда курсанты сдадут все экзамены в старом году, а после всех направить на преддипломную практику. Мне выпало писать диплом по одной из плавбаз, базирующихся на Камчатке. А тут, буквально двадцать девятого, пришла телеграмма: друг женится, вместе служили в погранвойсках в тех местах. С трудом достал билет, и вот тебе на.

В это время объявили, что пассажиры, следующие рейсом до Благовещенска, приглашаются на регистрацию и посадку. Олеся заторопилась.

— Сейчас пойдём вместе. Давай выпьем, раз налито.

— За что?

— Пусть эта песня, которая только что прозвучала, останется нашим паролем. И если где-то она прозвучит пару раз подряд, значит, мы непременно должны оставить все дела и найти друг друга. За нас с тобой!

Когда выпили, приподнял бутылку и бросил далеко в снег — на счастье. У входа на посадку Олеся вдруг спросила:

— А когда и где мы встретимся?

— Думаю, месяца через два, лучше после 8 марта на площади у памятника Борцам за власть Советов на Дальнем Востоке. В субботу в восемнадцать ноль-ноль. Смотри, не опаздывай, — и сделал попытку обнять.

Увернулась и исчезла в проёме двери накопителя. Удобно устроилась на своём месте, дождалась, когда самолёт набрал высоту, и откинула спинку кресла, чтобы хоть немного подремать. Однако желанный сон не приходил: то ли сказывалось напряжение от ожидания в аэропорту, то ли выпитое шампанское настолько подняло тонус, что пересилило все переживания последних дней. Достала книгу, глазами пробегала по строкам — страница за страницей, но никак не удавалось вникнуть в суть содержания. Всё-таки устала, зачёты дают о себе знать — столько волнений. Теперь, когда всё позади, мозг не в состоянии напрягаться. Надо отвлечься, думать о чём-нибудь другом или просто смотреть в иллюминатор. За толстым стеклом не видно ни зги, лишь проблесковые огоньки на крыле самолёта одиноко мерцают высоко-высоко над землёй. Вот так же всего пару часов назад она смотрела на ночное небо с мигающими звёздочками и пила шампанское. Что на неё в те минуты нашло? Никогда прежде не позволяла себе ничего подобного, тем более в компании с незнакомым молодым человеком. Девчонки по комнате на первых порах удивлённо таращили глаза и непонимающе качали головами, когда Олеся решительно

отказывалась отметить успешное завершение сессии или очередной день рождения даже бокалом сухого вина. Ведь пришла не со школьной скамьи, а из рабочего коллектива. А тут почти два стакана и ни капельки не почувствовала опьянения: голова светлая, словно ничего и не было. Роберт, странное какое-то имя. До сих пор встречала подобные только в литературе прошлого века, но чтобы в наше время... Каково его происхождение? Кажется, древнегерманское... Да, точно. В прошлом году ездила к подруге в гости в Иман. Назад возвращалась одна. На вокзале в киоске «Союзпечать» в последний момент увидела невзрачную книжку — «Что значит имя твоё...». Не раздумывая, купила. В поезде перелистала: каких только имён не существует на белом свете, а вот Олеся почему-то отсутствует. Остановилась на Алисе, приблизительно похоже. А далее наткнулась на Роберта, того же происхождения. Насколько отложилось в памяти, такое имя предполагает сосредоточенность, добродушие и некоторую прямолинейность. Роберты никогда не ищут обходных путей, но перед стоящей задачей не пасуют и добиваются своего. Так и лежит книга где-то в тумбочке. Вернётся, обязательно прочитает повнимательней. А какая у него фамилия? Боже мой, они даже не назвали полностью, не додумались обменяться адресами. Как же искать в случае чего? Ведь сама высказалась за возможность встретиться. Теперь одна надежда — каждую субботу в 18.00. А почему, собственно, думаешь, что она состоится? Встретились два незнакомых человека, за разговорами скоротали время и разлетелись в разные стороны. Пройдут праздники, а вместе с ними улетучится и договорённость. Всё, надо забыть, выкинуть из головы. Чего тешить себя надеждами. Попробовать всё-таки отключиться; прилетает ночью, неизвестно когда доберётся до родительского дома. Властимир однозначно не встретит.

Каникулы пролетели как одно мгновение. Началась сессия — самое святое для студента. Только учёба, остальное побоку. Завалишь экзамен и не видать стипендии как своих ушей. В её положении, когда от родителей особой помощи ожидать не приходится, подобного допустить нельзя. Уходила с утра в читальный зал и занималась до самого закрытия. Не зря потратила столько времени — без единой тройки в зачётке завершила семестр.

Чем ближе подходила обозначенная суббота, тем беспокойней становилось. Оставаясь вечерами в комнате, пыталась представить их встречу, но ничего путного не получалось. Мысленно не раз ругала себя: с чего вбила в голову, что парень до сих пор помнит о ней. Рассчитывает на продолжение знакомства... Тебе лишь двадцать два года, и рано думать о чём-то серьёзном. А почему рано? Разве любовь... Подумала и осеклась. Вот уже куда завели несбыточные мечтания. Встре-

тить человека, которого полюбишь, и прожить с ним в согласии и понимании всю жизнь — большое счастье. Здесь не может быть каких-то календарных сроков: рано... поздно... в самый раз. Лишь сердце в состоянии подсказать — это и есть тот единственный избранник, твоя судьба. После занятий сходила в парикмахерскую, сделала причёску.

— Олеська, никак на свидание собралась. Ну и тихоня...

— Тоже ещё выдумали.

— Чего же тогда зарделась...

— Да ну вас.

— Парень хороший?

— Пока не знаю.

— Ну, ты даёшь. Смотри, только не упусти.

— Рано мне ещё...

— Смотри какая рана.

Оделась и вышла на улицу, чтобы не слышать досужие рассуждения девчонок по комнате. На площадь подошла где-то без пятнадцати шесть. Так и простояла в ожидании почти три часа, но Роберт не появился. Каких только дум не передумала, но успокаивала себя, что, по всей вероятности, парень занят чем-то важным и не мог прийти. Не получилось сейчас, в следующую субботу обязательно встретятся. Вернулась назад, когда за окнами опустилась темнота ночи.

— Так быстро... или не пришёл?

— Просто свидание было деловым.

— Нам-то не заливай.

Быстренько переоделась, умылась и легла в постель, отвернувшись к стене.

Целых три месяца каждую субботу Олеся появлялась на площади. Не пошла лишь однажды, когда на улице шёл сильный дождь и бесновался ветер.

Вот и закончился очередной учебный год, она — студентка четвёртого курса. Через неделю отправляется с подругами в стройотряд. Затем каникулы, которые проведёт в Лесогорье. А встреча так и не состоялась. Права была, что здесь не на что было рассчитывать. Значит, не судьба.

III

Вот и ещё одно лето отсчитало свой календарь. Каким оно было? Пожалуй, таким же, как и все предыдущие в её недолгой студенческой жизни. Олеся, тогда ещё Ващук, стояла у раскрытого окна общежития, смотря на солнце, медленно спускающееся за линию горизонта. Она только что вернулась от памятника, где провела в ожидании целых два часа. Наверное, хватит ходить, жить надеждами и выставлять

себя законченной душой, над которой давно подсмеиваются и судачат однокурсницы. Завтра воскресенье, последний свободный день, когда можно помечтать, подумать в одиночестве, определиться на будущее. К вечеру съедутся девчонки, и тогда от накопившихся новостей, которыми каждой хочется поделиться в первую очередь, будет стоять такой гам, хоть уши закрывай. С понедельника — занятия. Четвёртый курс — самый ответственный. Полученные знания лягут в основу будущей дипломной работы, да и специальности, которая определит всю дальнейшую жизнь.

Со стройотрядом в этом году повезло. Выпало отделять готовящееся к сдаче здание кафе-столовой на 200 посадочных мест. Всё-таки ближе к профессии, ведь всем им предстоит трудиться на ниве общепита. В районном центре не так скучно, как в какой-нибудь затерявшейся деревеньке. В свободное время ходили в кино или на танцы. Невдалеке, всего пару километров, дислоцировалась воинская часть, так что в кавалерах не было недостатка. Подруги быстро перезнакомились, у некоторых даже наклёвывалось кое-что серьёзное... В один из вечеров познакомилась с лейтенантом, недавним выпускником общевоинского училища. Выяснилось, что родом почти из одних мест. Показался нормальным парнем, без закидонов. Но когда через неделю, провожая до общежития, нагло полез целоваться, норовя тут же залезть под кофточку, получил звонкую пощёчину. С тех пор и перестала ходить на танцульки. Лейтенант ещё пару раз заявлялся в комнату, просил прощения, но она даже не снизошла до разговора, молча указала на дверь... Поработали на славу — досрочно сдали объект. Стройуправление расщедрилось на премиальные. Прикинула, что, если особо не транжирить, должно хватить на весь учебный год.

Закончился третий трудовой семестр, Олеся взяла билет на поезд и поехала к родителям в Лесогорье. Шесть лет прошло с момента отъезда, а как сильно изменился посёлок. Появились новые дома, заасфальтировали улицы, поставили фонари освещения, преобразился внешний вид многих общественных зданий. Казалось бы, только радоваться, но почему-то стал казаться чужим. Теперь по вечерам прохаживается другое поколение, со своими радостями и проблемами, звучат совершенно иные песни. С каждым годом всё меньше и меньше приезжает в родные пенаты бывших одноклассников. Многие заканчивали институты и техникумы и трудятся подчас довольно далеко от родительского дома. Большая часть девчонок успела обзавестись семьями, тут уж не до поездок. Мальчишки, отслужив в армии, поразъехались в поисках романтики. Из парней никого в Лесогорье не осталось, девчонок — всего трое, все замужем. Собрались как-то на девичник, но ничего путного не получилось. Сначала вспоминали,

кто и где обосновался, но затем незаметно переключились на бытовые темы... И понеслось. У каждой проблем выше крыши. Подругам не интересны её проблемы, а ей — их. Так и разошлись неудовлетворённые друг другом. Хорошо, хоть брат вырвался на две недели, отдохнули немного. Ездили купаться, загорали, несколько раз выбирались в лес по грибы. С наступлением темноты разжигали за огородом костёр и вспоминали прошлое из недалекой юности. Властимир уехал, и стало совсем грустно. Какая-то тоска навалилась: никуда не хотелось идти, всё валялось из рук. Даже мать заметила.

— Что с тобой происходит, доченька?

— О чём вы, мама?

— Затосковалась совсем, уж не влюбилась?

— Пока никто не просматривается, кто бы в душу запал. Институт прежде следует закончить, тогда и невеститься.

— Оно и то, правда... Только сердцу не прикажешь.

— Отвыкать стала от родимых мест, оттого и грустно.

Покачала недоверчиво головой, но не стала больше докучать дочери вопросами.

Напоминание о том, что должен быть человек, по которому сохнет душа, так растревожило, что всю ночь снился тот Новый год, плавно кружащиеся снежинки, стаканы с шампанским, завораживающие слова песни и он... Может ли такое быть, что всего одна случайная встреча способна стать судьбоносной. В кино о таком показывают, в книгах пишут, а вот в жизни... Под утро вновь приснился Роберт, но теперь стоящим на холме за околицей с широко раскрытыми руками, словно звал в свои объятия. Побежала навстречу, задыхаясь от нетерпения. Но странно, с каждым новым шагом он удалялся всё дальше и дальше, пока не превратился в маленькую точку... Опустилась в бессилии на придорожный камень и заплакала. Как же так, столько времени искали друг друга, жаждали встречи, а когда, наконец, увидела его, какие-то силы разлучили вновь.

— Как спалось, Олеся?

— Спасибо, мама, нормально... А отец уже ушел на работу?

— Давненько, как обычно, в половине восьмого.

— Даже не слышала.

— Не мудрено. Всю ночь ворочалась, несколько раз вскрикивала. Перед рассветом лишь успокоилась... Поднимайся, молочка свежего испей, соседка недавно принесла.

После каникул только два дня пребывали в институте. Весь курс по установившейся традиции направляли в совхоз на уборку урожая. Но не повезло их группе на этот раз. Большую часть четверокурсников оставили в городе: одних распределили по точкам торговать овощной

продукцией, других — на овощебазу перебирать помидоры, огурцы и прочие дары сельского хозяйства. А оставшихся распихали по другим группам. Не хотелось уезжать от своих, но что поделаешь, если у студентов не спрашивают про желания и возможности. И только в четверг вернулись с уборочной. Отмылись, привели себя в порядок и разъехались, у кого родители поближе по домам, чтобы побыть перед началом учебного года со своими родными и близкими. Звали с собой Олеську за компанию, но отказалась, сослалась на неотложные дела.

Весь сегодняшний день с нетерпением ждала назначенного времени. Вбила себе в голову, что Роберт на этот раз обязательно появится. Ведь сам студент, знает, что с мая по конец сентября практически невозможно встретиться. Но сейчас, когда учебный год на носу, должен обязательно прийти, если в памяти сохранилась девушка из аэропорта со сломанным каблуком. Напрасно прождала. Сколько ни вглядывалась в проходящих мимо, так и не объявилась знакомая фигура. С неподдельной горечью возвращалась к себе. И лишь немного успокоившись, осознала, что напрасно ждала парня в курсантской форме. Ведь, скорее всего, он ещё весной закончил свой Дальрыбвтуз, получил диплом, направление на работу. И неизвестно, в какие края забросило его министерское распределение. Чего, спрашивается, тогда ходит... И всё-таки в глубине души теплилась надежда, что его оставили на одном из предприятий рыбной промышленности в краевом центре, пока находится в рейсе, а возвратившись с путины, сможет прийти в любую субботу. Как же она так опрометчиво поступила, не спросила фамилию и факультет. Тогда можно было бы пойти в институт и всё выяснить. А там, через отдел кадров разыскала бы его без особого труда. Но почему-то в последнее время начали закрадываться сомнения, что у парня ещё осталось желание встретиться. Стоит ли всерьёз воспринимать шапочное знакомство в аэропорту, когда вынужденное ожидание и попытка хоть как-то убить время толкают на самые невероятные поступки. Подумай, человек на пятом курсе, не может быть, чтобы у него не было знакомой девушки.

Просто отзывчивый человек. Ведь подчеркнул, что студент студенту должен помогать. Это что-то вроде студенческого братства. Впечатлительная дура, возомнила себе чёрт знает что и мучается. Да и нужна ли без пяти минут инженеру девушка, которой ещё учиться и учиться. Нет, Олеся Валентиновна, перестань над собой издеваться, истязать беспочвенными иллюзиями.

Солнце совсем уже спряталось за горизонт, на город начала опускаться темнота, зажглись уличные фонари. Всё меньше и меньше проносятся машин. По тротуарам медленно прохаживаются парочки,

компании парней и девчат, торопятся поскорее попасть домой за-
поздалые прохожие. На небосводе появилась Луна. Как жаль, что че-
ловечество до сих пор не научилось обращаться к планетам. Летаем
в космос, пытаемся обнаружить другие цивилизации, но пока безре-
зультатно. А было бы здорово — набрал номер телефона и попросил:
посмотрите, пожалуйста, в какой точке земного шара находится её
Роберт, дайте ему знать, что в городе N томится в ожидании любя-
щее сердце... Подумала и непроизвольно покраснела. Вон куда заве-
ли собственные рассуждения: её Роберт, любящее сердце. Пора оста-
новиться, иначе попросит передать через Венеру или Марс, что она
готова идти с ним под венец. Хватит. Заставь себя переключиться
на другое. Обрати внимание, насколько хорошая и удивительная по-
года. Тёплый ветер ласкает счастливые лица, шаловливо разбрасывает
волосы, доносит с нагретой бухты терпкий, горьковато-соленый запах
моря. Не затворничай в четырёх стенах. Встряхнись, выйди на свежий
воздух, присмотришься к людям и сразу поймёшь, что в твои годы не сто-
ит хандрить, а надо радоваться жизни. Сказать проще всего. Умом по-
нимает: образ влюбленного рыцаря в курсантской форме стоит вы-
кинуть из головы, но как быть с сердцем. Всё, пора отдыхать, иначе
и свихнуться можно.

Начался учебный год, и студенческие заботы на время отвлекли
Олесю Вашук от сердечных переживаний. А тут ещё Валя Кирсано-
ва засобиралась замуж, и каждую свободную минуту только и было
разговоров о предстоящей свадьбе. Проводили подругу из девичест-
ва, она переехала жить к мужу, и ещё долгое время одна кровать ос-
тавалась незанятой. Теперь, готовясь ко сну, обращали внимание
на Валюшкину постель и начинали гадать, чьим окажется вакантным
следующее место. Так и не придя к единому мнению, гасили свет.
Уверенность Олеси, что долгожданная встреча всё-таки произойдёт,
становилась всё призрачней. Отныне она не спешила каждую субботу
на площадь и, если за окном бесновалась непогода, оставалась в об-
щежитии без всякого сожаления. Прошла зачётная неделя, успешно
сдана сессия, съездила домой на каникулы, начался второй семестр.
Перед 8 Марта всё-таки решила сходить... в последний раз. Простояла
минут пятнадцать, как неожиданно кто-то окликнул.

— Девушка, вы не будете рассержены за мою беспардонность,
если преподнесу вам скромный букетик цветов.

— С чего это ради?

— В связи с наступающим Международным женским днём.

Присмотрелась: молодой человек, чуть старше ее. В тёмном
демисезонном пальто, цветное кашне, белая рубашка с галстуком,
без головного убора, до блеска начищены туфли. Глаза с прищу-

ром, но насторожены, аккуратно уложены волосы, словно недавно из парикмахерской.

— Считаете, что я единственная из всех девушек, гуляющих на площади, достойна вашего внимания?

Смутился немного, не ожидал подобного ответа.

— С прошлой осени наблюдаю за вами и никак не могу понять вашего систематического появления у памятника в одно и то же время. Ради чего и кого?

— Вам больше нечем заниматься?

— Всё произошло совершенно случайно... Мы с друзьями обычно собираемся здесь накануне и договариваемся, как проведем выходной день. Все трое — холостяки и не обременены семейными заботами. В один из таких вечеров и обратил на вас внимание.

— С чего это, спрашивается?

— На вас невозможно не обратить внимания. Лучшей представительницы прекрасного пола ещё не встречал на своём пути.

— Вы всегда при первом знакомстве так льстите?

— Простите, в мыслях не было ничего подобного. Это сухая правда, поверьте.

— И что дальше?

— Давайте познакомимся. Меня зовут Павел.

— Олеся.

— Очень редкое имя... и прекрасное.

— Преувеличиваете... Обычное, каких множество.

— И всё-таки не соглашусь с вами.

— Как будет угодно ...

Назойливый попался молодой человек. Прицепился, словно репей, и не собирается уходить. Дать понять, что его общество совсем не интересует.

— Вы собрались уходить?

— У меня нет другого выхода...

— Можно вас проводить?

— Ни к чему, мне совсем близко.

— Печально... Но хоть цветы примите. Они лично вам предназначались. Придется взять, иначе не отстанет.

— Спасибо... и до свидания.

— До скорого.

— Не поняла...

— До скорого свидания.

— ... Его просто не будет.

— ...Почему-то уверен, что обязательно будет. В следующую субботу непременно подойду.

Вот нахал, едва познакомился, а уже рассчитывает на продолжение.

В последующие недели марта так и не удалось вырваться. В следующую субботу пошёл сильный дождь со штормовым ветром, затем всей группой ходили в драматический театр на премьеру новой постановки, потом... словно специально перенесли зачёт, так как преподаватель уезжала в длительную командировку.

Наступивший апрель отметился очень теплой погодой. Если так пойдёт и дальше, то, глядишь, к майским праздникам и покроются зелеными листочками деревья. Всё-таки решила сходить... в последний раз. С сарказмом усмехнулась. У неё, как у китайцев, — триста сорок восьмой последний раз. Прособиралась, опоздала на целый час. Еще издали увидела, как Павел прохаживается вдоль памятника с цветами. Она давно уже забыла о том знакомстве. Приостановилась, опять начнет нести всякую чушь. Чего, спрашивается, смалодушничала. Ну и пусть ходит...

— Здравствуйте, Олеся.

— Добрый день.

— Хорошо, что сегодня пришли.

— Что в этом хорошего.

— Подумал, что обидел вас в прошлый раз и следует извиниться.

Ни одной субботы не пропустил.

— Напрасно, я не держу никакого зла.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— ... Вы мне в прошлый раз так и не ответили, что за ритуал у вас связан с посещением памятника?

— Это абсолютно вас не касается.

— Простите, здесь, наверное, что-то личное.

— Возможно, и так.

— ... Знаете, у меня к вам есть одна весьма необычная просьба. Завтра мой день рождения. Вы бы не были так любезны составить компанию имениннику. Посидим где-нибудь в кафе.

— Не люблю шумных компаний. К тому же, насколько мне помнится, ваши товарищи-холостяки с удовольствием разделят такое торжество.

— Так и намечалось. Но один укатил в командировку, а у второго серьёзно заболел отец, и он срочно улетел домой. Впервые за последние годы дружная троица распалась. Я вас очень прошу.

— Не уверена, что смогу освободиться. Дел очень много. Ничего не обещаю.

— И всё-таки надеюсь. Буду ждать здесь в это же время — протянул цветы и, не попрощавшись, пошёл в сторону бухты.

Смотрела вслед и по поникшей фигуре предположила, что человеку действительно одиноко.